КАРЛ КАУТСКИЙ

КАРЛ МАРКС

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД
1-9-2-0

К-30
Каутский

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена **не может быть повышена.**
Государственное Издательство

КАТАЛОГ КНИГ

ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Просп. 25 октября, д. 28.

6295-07

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

	Р.	К.
Алексеев и Варлен. „Две речи"	—	70
Арну. „Мертвецы коммуны"	—	45
Его-же. „Народная история Парижской Коммуны"	10	—
Афиногенов (Степной), Н. „Записки ополченца". Разошлось	1	25
Бакс. „Парижская коммуна"	1	75
Барбюс. „В огне". Дневник подувзвода. Перев. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печатается 3-е издание.	30	—
Басов Верхоянцев. „Венок". Сказки	5	—
Бебель, А. „Интеллигенция и социализм"	1	25
Его-же. „Из моей жизни". Мемуары, т. I.	17	50
Его-же. „ „ „ „ т. II, ч. I.	7	50
Его-же. „Христианство и социализм".	—	50
Безсалько. „Алмазы востока". Сказки с иллюстрациями	8	—
Блосс, В. „История французской революции"	32	—
Белами. „Равенство"	—	—
Богданов. „Красная звезда"	5	20
Его-же. „Инженер Мэнни"	7	—
Браке. „Долой социал-демократов"	1	—
Брусянин. „В борьбе за труд"	3	—
Бухарин. „Программа коммунистов"	1	75
Его-же. „Долой международных разбойников". Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	40
Его-же. „Классовая борьба и революция в России"	1	80
Быстрянский. „Империализм"	—	35
Его-же. „Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная"	2	—
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	—	40
Его-же. „Рабоче-крестьянская революция в России и оценке буржуазной публицистики"	2	—
Вандервельде. „Социализм и искусство"	—	90
Ватин. „Что такое коммуна?"	—	20
Вейтлинг. „Человечество, каково оно есть и каким должно быть"	—	85
Величкина, В. „Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг"	1	—
„Венок коммунаров". Сборн. памяти В. Володарского, с рисунками	4	—
Войнич, Э. „Овод". Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4	50
В-ик, Л. „Уголок немецкой оккупации"	—	50
Володарский, В. „Напутственная речь агитаторам". 3-е издание	—	50
Его-же. „Речи"	—	—
Волховский. „Сказание о царе Симеоне"	1	25
„Враги ли евреи рабочим и крестьянам". Разошлось. Печат. 2-е изд.	—	65
Гайк-Ад-янц. „Крестьянский вопрос во Франции"	—	55
Гауптман. „Ткачи". Драма	3	—
Геккель, Э. „Происхождение человека"	13	—
Герром, Г. „От революции к революции"	1	20
Горичев. „Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне"	5	—
Горлов, Н. „Темные силы, война и погромы"	—	40
Горький, Максим. „Макар Чудра". С иллюстр.	1	—
Его-же. „Челкаш"	1	50
Его-же. „Двадцать шесть и одна"	1	50
Его-же. „Дед Архип и Ленька"	1	10
Его-же. „Емельян Пиляй"	1	20
Его-же. „Дело с застежками"	—	80
Его-же. „На плотах"	1	30
Его-же. „Мальва"	1	80
Его-же. „Коновалов"	2	60
Его-же. „Тюрьма"	2	25
Его-же. „Проходимец"	2	—
Его-же. „Скуки ради"	1	40
Его-же. „Васька Красный"	2	50
Его-же. „Кирпичи"	1	30
Его-же. „О евреях"	1	10
Его-же. „Как я учился"	—	90
Его-же. „Мое обращение"	—	10
Гра, Ф. „Марсельцы"	7	—
Грейлих, Г. „Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса"	1	40
Гусев. „Теория пролетариата" (научный социализм)	1	20
Декав. „Фленго". Рассказ из времен коммуны 1871 г.	—	25
Декреты о суде	1	50
Демьян Бедный. „Земля обетованная"	1	20
Его-же. „В огненном кольце"	1	50
Его-же. „Песни прошлого"	3	—
Его-же. „Сытый голодного не раз-		

Полит. Просветительство
РЕМИЗОВЪ.

МК
38

КАРЛ КАУТСКИЙ

КАРЛ МАРКС

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ МАРКСА
(14 МАРТА 1883—14 МАРТА 1908)

ПЕРЕВОД С РУКОПИСИ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ
Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов
Петроград, 1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр
	Предисловие автора к русскому изданию	3
	Предисловие	7
I.	Введение	9
II.	Синтез естественных и общественных наук	11
III.	Маркс и Энгельс	19
IV.	Синтез немецкой, французской и английской мысли	21
V.	Соединение рабочего движения с социализмом	28
VI.	Синтез теории и практики	39

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина 1978 г.

2006408790

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКС
ПЕТРОГРАД, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 29

Предисловие автора к русскому изданию.

Предлагаемая брошюра предназначалась в первую очередь для немецких рабочих. Если бы, при ее составлении, я имел в виду русских рабочих, то я, вероятно, несколько иначе написал бы заключение. Я указал бы на то значение, которое Маркс имеет для нас, как пример непоколебимости и уверенности в победе даже после самых страшных поражений и в период самого гнетущего политического застоя. А этот пример для российского пролетариата имеет гораздо больше значения, чем для германского, так как современное положение пролетариата в России очень сходно с тем положением, в котором очутился политик Маркс в пору высшего расцвета своих сил и энергии.

Но я оттенил бы сильнее не только непоколебимость и уверенность в победе, которые одушевляли Маркса, я подчеркнул бы резче его способность приспособления, которая позволяла ему ориентироваться в самых различных положениях и овладевать ими. Это не была способность приспособления какого-нибудь оппортуниста или «реального политика», который жертвует интересами будущего в пользу интересов минуты, общими интересами всего движения ради частичного успеха. Нет, это была способность приспособления диалектика, который никогда не теряет из вида цели движения и всегда направляет свой путь к ней, но который в то же время знает, что движение совершается в форме противоречий и противоположностей. Это была также способность материалиста, для которого идеи не являются властителями действительности, который исходит из убеждения, что в них господствует необходимость и что с этой необходимостью можно справиться, только поняв ее, что мы пользуемся только одной свободой—свободой познать необходимость и действовать согласно с результатами этого познания.

Как диалектик и материалист, Маркс постоянно изучал ход развития действительных отношений, чтобы приспособить к ним свою тактику, но он при этом всегда заботился, чтобы тактика настоя-

щего момента находилась в согласии с общим направлением и конечной целью этого хода развития.

И никто, в течение 1848 г., не призывал так энергично к борьбе и радикальным мерам, как Маркс в своей «Новой Рейнской Газете», где у него на этой почве произошел раскол с остальной демократией. Но в 1850 г. он первый понял новое положение и отказался от всяких иллюзий в своей «Новой Рейнской Газете», при чем он опять попал в конфликт со всей демократией.

Но приспособиться к условиям, которые созданы поражением, для Маркса вовсе не значило отбросить в сторону оружие и сложить в отчаянии на груди ненужные руки. Он только менял поле своей деятельности. Это было для него не разоружением, а, наоборот, подготовкой к новой борьбе. И чем больше реакция отнимала у Маркса возможность пропаганды и организации, тем больше вынужден был он работать над самим собою, чтобы еще лучше подготовиться к новой, предстоящей борьбе. И этой работе мы обязаны «Капиталом».

Судьбу Маркса разделили и другие бесчисленные борцы, в особенности пролетарии. События 1848 г. не прошли для них бесследно. Они разбудили германских рабочих и вызвали в них работу мысли. Реакция предоставляла каждого из них собственным силам, она отнимала у них возможность совместной работы с товарищами, каждый из них должен был на собственный риск и страх искать ответов на интересовавшие его вопросы. Но едва только политический гнет немного ослабевал, каждый из них видел, что одновременно и параллельно с ним работали многие другие товарищи. И опять соединяли свои ряды борцы, еще более решительные и сознательные, чем прежде. Только таким путем можем мы объяснить, почему в начале шестидесятых годов рабочее движение во всей Европе начинает так быстро и сильно развиваться.

И с этой точки зрения мы должны смотреть на положение дел в России. Мы переживаем теперь не эпоху у п а д к а, как бы она ни была печальна, а период п о д г о т о в л е н и я. То зреют семена, посеянные о к т я б р е м: первый луч солнца, первое мягкое движение м а р т а вызовет их снова из темных недр земли, и они распустятся пышным цветом.

Тогда, употребляя экономическую терминологию Маркса, пред нами развернется величественная картина «воспроизводства в расширенном масштабе». И точно так же, как «Капитал» стоит выше «Коммунистического Манифеста», как «Интернационал» был шире «Союза Коммунистов», так и новое пролетарское массовое движение в России будет носить совершенно другой, более стойкий и

выдержанный характер, чем первое. Несмотря на всю грандиозность последнего, воспроизводство того движения превзойдет его и по своей плодотворности, и по своей прочности.

Я не хочу этим сказать, что между первым и вторым выступлением российского пролетариата, как политического фактора, будет такая же большая разница, как между Союзом Коммунистов и Интернационалом. Этого нельзя ждать уже потому, что период времени между обоими движениями в России будет теперь несравненно короче, чем в Западной Европе между поражением 1848 г. и возрождением движения. Тогда реакция господствовала в течение целого десятилетия от 1849 до 1859 г. Зато и положение дел было тогда гораздо более неблагоприятно, чем теперь.

Июньская бойня 1848 г. была первым актом поражения Европы. За Францией последовал чартизм в Англии, Германии, Австрии, Италии, Венгрии. Период реакции был временем всеобщего застоя во всем мире. Влияние общей политической депрессии усиливалось вследствие экономического процветания. Народное движение не может успокоиться в своей борьбе, пока, по крайней мере, значительная часть населения не добивается таких условий, которыми она довольна. А это случилось в Западной Европе после 1849 г. Пролетариат, революционная интеллигенция и мелкая буржуазия были побеждены, но крестьяне получили удовлетворение, класс капиталистов приобрел господствующее положение, крупная промышленность быстро развивалась, и процветание промышленности в конце концов примирило с новыми условиями даже часть пролетариата и, в особенности, мелкую буржуазию.

Напротив, в России мы не видим теперь ни одного класса, ни одной значительной части населения, которая готова была бы помириться с новым порядком вещей, как с окончательным. Все— реакционеры не в меньшей степени, чем борцы за свободу—рассматривают его, как переходный.

Не следует забывать также, что в то время, как от 1849 до 1859 г. весь мир находился в состоянии застоя, теперь, наоборот, за исключением России, весь мир находится в состоянии самого живого движения. В Англии социализм сразу стал силой, которая определяет всю политику государства. В Соединенных Штатах миллионы профессионально-организованных рабочих собираются конституироваться в самостоятельную рабочую партию. В Австрии пролетариат завоевал всеобщее и равное избирательное право, и социал-демократия превратилась в самую могучую партию в государстве. В Пруссии, наконец, пролетариат начал энергичную борьбу с существующим избирательным правом, про-

тив которого, в течение шестидесяти лет, не осмеливалась выступить ни одна либеральная партия.

Но в особенности громадное значение имеет то обстоятельство, что теперь пришел в движение и Восток, консерватизм которого казался несокрушимым. Капитализм и там приводит все в движение, вносит всюду элементы брожения. В Египте поднимает свою голову национальная партия, Персия превратилась в арену постоянных волнений, и в Индии англичане уже вынуждены подавлять силой стремление к самостоятельности.

Всюду кипит жизнь, всюду мы видим движение, всюду происходит борьба.

Все это не может не оказывать своего влияния на Россию и скоро положит в ней конец политическому застою. Международные связи теперь сильнее, чем когда-либо. Если австрийцы завоевали избирательное право, если Пруссия вступила в эпоху оживленной борьбы за избирательное право, то мы этим обязаны прежде всего российскому пролетариату, успехи которого возбуждали и воспламеняли нашу энергию. Но точно так же и всякая крупная победа пролетариата или демократии на Западе не может не оказать воздействия и на Россию.

Никто не может предсказать, как долго будет длиться современный политический застой. Он, быть-может, кончится очень скоро. Но тем важнее, чтобы этот период замирания активности масс был использован самым энергичным образом. Необходима живая работа принципиального воспитания и организации, работа просвещения и культуры. Когда пройдет зима, когда появится новая весна народов, тогда этот посев взойдет еще быстрее, даст еще более богатую жатву.

К. Каутский.

Берлин, 7-го марта 1908 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По приглашению бременской просветительной комиссии [1]) я 17 декабря прошлого года читал в Бремене реферат о Карле Марксе. Бременские же товарищи, слышавшие мой реферат, обратились ко мне с предложением отдать его в печать, так как, по их мнению, он мог бы исправить широко распространенные, но ложные представления о том, что дал нам Маркс и что такое марксизм. Издавая эту брошюру, я удовлетворяю их желание, но я не ограничиваюсь простой передачей своего реферата. Для печати я его значительно дополнил, особенно в первой части.

То, что я предлагаю, не является панегириком Марксу. Он слишком мало соответствовал бы гордому духу человека, лозунгом которого служили следующие слова: «Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят». Да этот панегерик был бы и неуместен в такое время, когда личное значение Маркса признано всем миром.

Я скорее ставлю себе целью облегчить понимание того, что Маркс дал миру. А это далеко не так общеизвестно, как было бы необходимо в такую эпоху, когда за и против Маркса ведутся такие горячие споры. Читая следующие страницы, многие найдут, что идеи, ставшие в наше время общим местом, добыты были Марксом и Энгельсом после упорного труда. Они найдут также, что идеи, предлагаемые нам, как нечто новое, как поразительные открытия, с помощью которых «устарелый» марксизм должен быть преобразован или заменен новой системой, что эти идеи, в сущности, являются только воскресением из мертвых всех тех воззрений и методов, которые господствовали до Маркса, но давно уже отцвели. Они были превзойдены именно системой Маркса, но каждый раз

[1]) Состоит из представителей местной партийной организации и центрального бюро профессион. союзов в Бремене.

снова возникают в головах поколений, которым чуждо прошлое нашего движения.

Таким образом, предлагаемая работа является не только главой из истории нашей партии, она хочет внести также лепту и в решение современных вопросов.

К. Каутский.

Фриденау, февраль 1908.

I. Введение.

14 марта 1908 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Карла Маркса, а в начале этого же года исполнилось шестьдесят лет со времени появления Коммунистического Манифеста, в котором новое учение Маркса нашло свое первое изложение. Для нашего времени с его быстрым темпом жизни, когда научные и эстетические взгляды меняются так же быстро, как моды, такие промежутки времени кажутся очень длинными. Но, несмотря на это, Карл Маркс и теперь точно продолжает жить среди нас, в полном расцвете своих сил, он является властителем душ нашего времени, несмотря на все «кризисы» марксизма, несмотря на все «опровержения» с высоты кафедр буржуазной науки.

Это поразительное, все более растущее влияние было бы совершенно непонятно, если бы Марксу не удалось вскрыть последние корни капитализма. А если он это действительно сделал, то, пока существует капиталистическая форма общества, в области социального познания немыслимы такие существенные открытия, которые могли бы заменить систему Маркса. Вот почему путь, указанный им, остается и до сих пор более плодотворным,—как в области теории, так и в области практики,—чем всякий другой. Но могучее и прочное влияние Маркса на современное мышление было бы также непонятно, если бы ему не удалось подняться духовно над условиями капиталистического способа производства, если бы он не открыл в них тенденции развития в высшую общественную форму, если бы он не указал нам на те далекие цели, которые в ходе общественного развития становятся все ближе и осязательнее и вместе с тем все больше оттеняют величие этого мыслителя.

Именно это редкое соединение научной глубины и революционной смелости объясняет нам, почему Карл Маркс и теперь еще, чрез двадцать пять лет после его смерти и чрез два поколения после его первого выступления на арене общественной деятельности, живет среди нас в гораздо большей степени, чем прежде, когда он работал еще среди современников.

Если мы хотим ясно понять сущность исторической деятель-

пости этого удивительного человека, то лучше всего мы можем сделать это, характеризуя ее, как работу с и н т е з а, синтеза различных, часто, повидимому, противоположных областей в одном высшем единстве. Мы имеем пред собою прежде всего синтез естественных и общественных наук, синтез английского, французского и немецкого мышления, соединение рабочего движения с социализмом, слияние теории и практики. Именно потому, что Марксу удалось выполнить эту задачу, именно потому, что, отличаясь энциклопедизмом, не имеющим себе равного, он не только был знаком со всеми этими областями, но был в каждой из них знатоком — именно потому ему и удалось совершить свою грандиозную историческую работу, наложившую свою печать на последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX века.

II. Синтез естественных и общественных наук.

В основе всей деятельности Карла Маркса лежит его теоретическая работа. Ее мы и должны прежде всего рассмотреть. Но как раз она и представляет для популярного изложения особенные трудности. Мы надеемся, однако, справиться с ними, несмотря на то, что мы вынуждены ограничиться только некоторыми указаниями.

Науки делятся обыкновенно на две группы: естественные, предмет которых—исследование законов движения живых и мертвых тел, и науки о духе, как их, собственно говоря, неправильно называют, ибо поскольку дух представляет собою проявление отдельного тела, он составляет предмет исследования естественных наук. Психология, наука о душе, пользуется естественнонаучными методами, и науки о духе никогда еще не занимались вопросом о лечении душевных болезней. Право естественных наук на последнюю область никем не оспаривается.

Так называемая наука о духе фактически является наукой общественной и исследует взаимные отношения людей. И предметом науки о духе служат только те духовные акты и проявления людей, которые связаны с их взаимными отношениями.

Но и общественные науки могут быть также разделены на две группы: первая из них исследует человеческое общество, как таковое, на основании массовых явлений. К ним принадлежат: политическая экономия — учение о законах общественного хозяйства при господстве товарного производства, этнология— исследование различных общественных условий различных народов, наконец, наука о доисторической жизни, или первобытная история — исследование общественных условий того времени, от которого не осталось никаких писанных документов.

Другая группа наук о духе охватывает науки, которые прежде, главным образом, интересовались отдельной личностью и рассматривали положение и деятельность ее в обществе, как, например, история, юриспруденция и этика, или учение о нравственности.

Вторая группа наук о духе существует с незапамятных времен и всегда оказывала громадное влияние на мышление людей. Напротив, первая группа в то время, когда Маркс начал свои за-

нятия, едва только обратилась к научным методам. Ими интересовались только специалисты, и они не имели никакого влияния на общее мышление, которое определялось естественными науками и «науками о духе», принадлежащими ко второй группе.

Между двумя последними группами существовала громадная пропасть, выражавшаяся в противоположных мировоззрениях.

Естествознание открыло в природе так много неизбежных закономерных явлений, т.-е. оно только раз констатировало, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия,—что составилось убеждение в существовании всеобщей закономерности в природе, и гипотеза таинственности сил, вмешивающихся по своему произволу в естественные процессы, была совершенно изгнана из этой области знания. Современный человек не думает уже о том, чтобы жертвами и молитвой приобрести благосклонность этих сил. Он старается только подметить закономерную зависимость естественных процессов, чтобы вызвать в них, при помощи своей деятельности, те изменения, которые необходимы для поддержания его жизни или увеличения комфорта.

В другом положении находились так называемые «науки о духе». В них господствовала еще гипотеза свободы человеческой воли, неподчиняющейся никакой закономерной необходимости. Юристы и этики были вынуждены твердо держаться ее, иначе они потеряли бы почву под ногами. Если человек есть только продукт окружающих его условий, если его поступки и желания представляют необходимое следствие причин, не зависящих от его воли, то что станется с грехом и наказанием, с добром и злом, с юридическим и нравственным осуждением?

Конечно, это были мотивы, стимулы «практического разума», но не аргументы. Последние доставлялись главным образом исторической наукой. Она, в сущности, основывалась только на собраниях писанных документов былых времен, где подвиги отдельных личностей, преимущественно правителей, описывались ими же самими или кем-нибудь другим. Открыть какую-нибудь закономерную необходимость в отдельных действиях казалось невозможным. Мыслители, получившие естественно-научное образование, тщетно старались проследить эту необходимость. Они, разумеется, не могли мириться с тем, что всеобщая закономерность, господствующая в природе, не распространяется на человеческую деятельность. Опыт давал им достаточный материал, чтобы показать, что человеческий дух не представляет исключения в природе, что на известные причины он реагирует известными следствиями. Но как бы неопровержимо ни было установлено это положение для

тех простых психических явлений, которые общи человеку с животными, естествоиспытатели не в состоянии были указать какую-нибудь необходимую причинную связь для более сложных проявлений человеческой психики, для социальных идей человека и его идеалов. Заполнить этот пробел они не могли. Они могли только утверждать, что человеческий дух есть тоже часть природы и действует в рамках присущей ей необходимой зависимости, но они не могли доказать это с достаточной силой для всех областей. Их материалистический монизм оставался несовершенным и не мог справиться с идеализмом и дуализмом.

Тогда пришел Маркс и понял, что история и действующие в ней идеи и идеалы людей, их победы и поражения — являются только результатом борьбы классов. Но он заметил не только это. Классовые противоречия и борьбу классов в истории видели еще и до него, но на них смотрели в большинстве случаев, как на продукт невежества и злобы, с одной стороны, благородства и просвещения, с другой. Только Маркс вскрыл их необходимую связь с экономическими отношениями, закономерность которых, как это лучше всего доказал сам Маркс, может быть легко установлена. Но экономические отношения опять-таки зависят в конечном счете от меры господства человека над природой, от его знакомства с законами природы.

Только при определенных общественных условиях главным двигателем истории является борьба классов, и в последнем счете борьба с природой. Как бы своеобразно ни казалось общество в сравнении с остальной природой, мы находим все-таки как в обществе, так и в природе один и тот же тип движения и развития путем борьбы противоречий, все снова возникающих из самого процесса развития, диалектического развития.

Таким образом, общественное развитие было вдвинуто в рамки естественного развития, человеческий дух в его наиболее сложных и высоких проявлениях, в социальных, был представлен, как часть природы, была доказана естественная закономерность его деятельности во всех областях. Философский идеализм и дуализм были изгнаны из их последнего убежища.

Этим путем Маркс не только произвел переворот в исторической науке, но и заполнил пропасть между естественными и общественными науками, обосновал единство всего человеческого познания и сделал, таким образом, ненужной философию, поскольку последняя, как особенная дисциплина, стоящая вне и над науками, старалась установить единство мышления в мировом процессе, единство, которое не могло быть доказано наукой.

Новое понимание истории, внесенное Марксом в науку, являлось для нее громадным прогрессом, оно действовало необыкновенно оплодотворяющим образом на все человеческое познание и мышление. Но—странное дело!—буржуазная наука отнеслась к новой теории совершенно отрицательно, и только в противоположность к ней, как особая пролетарская наука, новое научное мировоззрение могло пробить себе дорогу!

Когда констатируется противоположность между буржуазной и пролетарской наукой, то над этим смеются. Разве может существовать особая пролетарская химия или математика на ряду с буржуазной? Но те, кто смеется над этим, доказывают только, что они не понимают, о чем собственно идет речь.

Чтобы открыть материалистическое понимание истории, необходимы были два предварительных условия. Во-первых, определенная высота научного развития, во-вторых, революционная точка зрения.

Закономерность исторического развития могла быть понята только тогда, когда новые, упомянутые выше, общественные науки,—политическая экономия, а вместе с нею и экономическая история, затем этнология и первобытная история, — достигли известной высоты. Только эти науки, материалом которых с самого начала служили не отдельные индивидуумы, а наблюдения над массами, могли способствовать пониманию основных законов социального развития. Они проложили, таким образом, путь к исследованию тех явлений, которыми определялась деятельность отдельных личностей и которые одни только существовали для традиционного исторического изложения.

Новые общественные науки развились только вместе с развитием капиталистического способа производства и всемирного рынка, они могли дать что-нибудь крупное только тогда, когда капитал уже достиг господства, но тогда же буржуазия перестала уже быть революционным классом.

А между тем только революционный класс мог воспринять учение о борьбе классов. Класс, который еще хочет завоевать власть в обществе, д о л ж е н вести борьбу за власть, он легко понимает ее необходимость. Класс, обладающий уже властью, смотрит на борьбу за нее, как на ненужное препятствие, и относится отрицательно ко всякому учению, которое доказывает ее необходимость. И он будет бороться с учением о борьбе классов тем сильнее, чем больше оно является теорией общественного развития, рассматривающей победу над современными господствующими классами, как необходимое завершение борьбы классов.

Но и теория, согласно которой люди являются продуктом общественных условий и отличаются друг от друга, как члены различных общественных формаций, даже эта теория неприемлема для консервативного класса, так как она признает единственным средством для изменения людей изменение самого общества. Пока буржуазия была революционным классом, она симпатизировала теории, по которой люди являются продуктом общества, но, к сожалению, науки, из которых можно было узнать двигательные силы общественного развития, были тогда мало развиты. Французские материалисты XVIII века не знали борьбы классов и не обращали внимания на развитие техники. Они, поэтому, хорошо знали, что для изменения людей необходимо изменить общество, но они не знали, откуда возьмутся силы, при помощи которых общество могло бы быть изменено. Они видели эти силы во всемогуществе отдельных необыкновенных личностей, главным образом — педагогов. Дальше этого буржуазный материализм не пошел.

Как только буржуазия стала консервативной, для нее сделалась невыносимой мысль, что вину за все современные бедствия несут общественные условия, которые и должны быть, поэтому, изменены. Поскольку она еще мыслит естественно-научным образом, она старается доказать, что люди по самой своей природе таковы и должны быть таковы, как теперь, что желание изменить общество есть не что иное, как желание перевернуть естественный порядок вещей. Однако, надо обладать слишком исключительным естественно-научным образованием и совершенно освободиться от всякого соприкосновения с современными общественными отношениями, чтобы думать, что они будут существовать вечно, как естественная необходимость. У громадной части буржуазии не хватает для этого мужества, и она ищет утешения в отрицании материализма и признании свободы воли. Не общество делает людей, утверждает она, а люди творят общество по своему желанию. Общество не совершенно, потому что не совершенны люди. Мы должны усовершенствовать общество, но не путем его изменения, а тем, что мы совершенствуем отдельных людей, внушаем им правила высшей морали. Более совершенные люди создадут более совершенное общество. Таким образом, этика и признание свободы воли становятся излюбленной доктриной современной буржуазии. Эта доктрина должна свидетельствовать о желании буржуазии бороться с общественным неустройством и в то же время не обязывает ее к какой-нибудь серьезной реформе, напротив, делает последнюю излишней.

Тому, кто стоит на почве буржуазного общества, точка зре-

ния этого общества мешает усвоить все результаты, которые могут быть добыты на основе единства всего научного познания, как оно установлено Марксом. Только тот, кто относится к существующему обществу критически, кто стоит на почве пролетариата, может понять эту теорию. Вот почему мы можем отличать пролетарскую науку от буржуазной.

Конечно, эта противоположность между ними сильнее всего проявляется в общественных науках, тогда как противоположность между феодальной или католической и буржуазной наукой всего ярче выступает в области естественных наук. Но мышление человека всегда стремится к единству, различные научные дисциплины влияют друг на друга, а поэтому и наши социальные понятия оказывают воздействие на все наше миропонимание. Таким образом, противоположность между буржуазной и пролетарской наукой в конце концов сказывается и в естествознании.

Это явление можно проследить уже в греческой философии, оно подтверждается, между прочим, и одним примером из области современного естествознания, примером, который тесно связан с нашей темой. Я уже указал в другом месте [1]), что, пока буржуазия была революционной, она признавала, что естественное развитие совершается путем катастроф. С тех пор, как она стала консервативной, она не хочет слышать ничего о катастрофах даже в природе. По ее мнению, процесс развития совершается теперь самым медленным образом, исключительно путем совершенно незаметных изменений. Катастрофы кажутся ей теперь чем-то ненормальным, неестественным, пригодным только для того, чтобы мешать естественному развитию. И, несмотря на учение Дарвина о борьбе за существование, буржуазная наука употребляет все усилия, чтобы отождествить понятие развития с представлением о совершенно мирном процессе.

Для Маркса, напротив, борьба классов была только особой формой всеобщего закона развития в природе, который далеко не является мирным. Развитие, как мы уже заметили, является для него «диалектическим» процессом, т.-е. продуктом борьбы противоположностей, которые возникают с необходимостью. А всякая борьба непримиримых противоположностей кончается победой какой-нибудь из борющихся сторон, следовательно, ведет к катастрофе. Катастрофа эта может подготовляться очень медленно, сила одной из борющихся сторон может увеличиваться совершенно незаметно, а сила другой из них—абсолютно или относительно умень-

---

[1]) В брошюре „Soziale Revolution". D. P.

щаться, и все-таки поражение одной из них неизбежно, но неизбежно не потому, что это явление совершается само собою, а вследствие борьбы и роста силы одной стороны. Всякая смерть есть не что иное, как катастрофа. Все, что существует, подвержено таким катастрофам. Этот закон верен не только для животных и растений, он распространяется на целые общества, континенты, небесные светила. И для них ход всеобщего процесса развития, путем постепенного нарастания противодействий, подготовляет периодические катастрофы. Никакое движение, никакое развитие немыслимы без таких периодических катастроф. Последние представляют необходимую стадию развития, эволюция невозможна без периодических революций.

Это воззрение одинаково устраняет как революционно-буржуазное представление, по которому развитие совершается только путем катастроф, так и консервативно-буржуазное, которое видит в катастрофах не необходимую переходную фазу медленно и незаметно совершающегося процесса, а его нарушение и задержку.

Другую противоположность между буржуазной и пролетарской, или, если угодно, консервативной и революционной, наукой, мы находим в критике познания. Революционный класс, который чувствует в себе силу для завоевания общества, склонен также отрицать всякие пределы для своих научных завоеваний, он считает себя способным решать все проблемы своего времени. Напротив, консервативный класс инстинктивно боится всякого шага вперед не только в политической и социальной, но и в научной сфере, он чувствует, что более глубокое познание не принесет уже ему пользы, но может бесконечно повредить. Он, поэтому, теряет веру в силу науки.

Конечно, даже самый смелый революционер не может уже разделять той наивной уверенности, которая одушевляла революционных мыслителей XVIII века, точно они имели в кармане решение всех мировых загадок и говорили от имени абсолютного разума. Никто не будет теперь отрицать,—некоторые мыслители знали это еще в XVIII веке, даже в древности, — что все наше познание относительно, что оно представляет отношение человека, «я», к остальному миру, что оно показывает только это отношение, но не самый мир. Следовательно, всякое познание относительно, обусловлено и ограничено. Абсолютных, вечных истин не существует. Но это означает только, что для нашего познания нет никаких пределов, что процесс познавания бесконечен и безграничен, что если нелепо выставлять какое-нибудь знание, как конечный вы-

вод премудрости, то не менее нелепо выставлять какое-нибудь положение, как конечный предел мудрости, дальше которого мы никогда не пойдем. Мы знаем теперь, что человечеству всегда удавалось раньше или позже переходить через пределы, которые встречались на пути его познания,—правда с тем, чтобы найти за ними новые пределы, о существовании которых оно прежде не подозревало. Но у нас нет никакого основания останавливаться в испуге пред какой-нибудь проблемой, разрешить которую мы не в состоянии, сложить в сознании своего бессилия руки на своей груди и покорно бормотать: Ignorabimus — мы никогда не узнаем этого. Это малодушие характеризует все современное буржуазное мышление. Вместо того, чтобы употребить все свои силы на расширение и углубление нашего познания, оно всю свою энергию направляет на то, чтобы найти определенные пределы, поставленные нашему познанию, и дискредитировать надежность научного мышления.

Пока буржуазия была революционной, она не ставила себе таких задач. Не занимался этим никогда и Маркс, к вящшему негодованию современной буржуазной философии.

III. Маркс и Энгельс.

Итак, только революционная, пролетарская точка зрения позволила такому великану мысли, как Маркс, обосновать единство всего научного познания. Но, говоря о Марксе, мы не должны забывать, что это великое дело удалось совершить одновременно с ним другому, тоже выдающемуся, мыслителю, Фридриху Энгельсу, и что без тесной совместной работы обоих новое материалистическое понимание истории и новое историческое, или диалектичекое, миросозерцание не могли бы выступить сразу в таком совершенном и всеобъемлющем виде.

Но Энгельс пришел к этому мировоззрению иным путем, чем Маркс. Последний был сыном юриста; он готовился сперва к юридической, потом к академической карьере. Он изучал философию, историю и обратился к изучению политической экономии, когда сильно почувствовал недостаток своих экономических познаний.

В Париже он изучал политическую экономию, историю революции и социализм. Особенно сильное влияние, повидимому, оказал на него великий мыслитель Сен-Симон. Из этих занятий он вынес убеждение, что не закон, не государство творит общество, но что, напротив, общество, слагающееся на почве экономического процесса, творит государство и право, приспособляя их к своим потребностям.

Наоборот, Энгельс родился в семье фабриканта, начальные основы своего образования он приобрел не в гимназии, а в реальной школе; там он познакомился с методом естественных наук. Затем он занялся коммерческой деятельностью, изучал политическую экономию теоретически и практически, и к тому же в Англии, в Манчестере, центре английского капитала, где у отца его была фабрика. Познакомившись еще в Германии с Гегелевской философией, он сумел с ее помощью углубить экономические знания, которые он приобрел в Англии, и поэтому прежде всего обратился к изучению экономической истории. Но в сороковых годах XIX столетия классовая борьба пролетариата нигде не достигла такого развития, как в Англии, и нигде не выступила так ясно связь

ее с развитием капитализма. Таким образом Энгельс одновременно с Марксом дошел до того же материалистического понимания истории. Если один совершил этот путь, изучая старые «науки о духе»—юриспруденцию, этику, историю,—то другой достиг этого, пройдя путь новых общественных наук, политической экономии, экономической истории, этнологии и естествознания. Встретились они в области революции и социализма. Сходство идей сблизило их сейчас же при личном знакомстве в 1844 г. в Париже. Очень скоро это сходство их идей превратилось в полное слияние их в высшем единстве, и теперь нельзя сказать, что и в какой мере принадлежит тому или другому из них. Правда, Маркс был более гениальным мыслителем, и никто не признавал этого с меньшей завистью и более охотно, чем сам Энгельс. По имени Маркса и система их обыкновенно называется марксизмом. Но без помощи Энгельса, у которого он очень многому научился и которому он, правда, и сам очень много дал, Маркс никогда не мог бы сделать того, что он сделал. Под влиянием совместной работы каждый из них идейно вырастал, и без нее ни один из них не мог бы приобрести той широты взгляда и универсальных знаний, которыми они отличались. Маркс и без Энгельса, так же, как и Энгельс без Маркса, пришел бы к материалистическому пониманию истории, но развитие этой теории совершалось бы медленнее, и на пути его было бы больше ошибок и неудач. Маркс был более глубоким, Энгельс—более смелым мыслителем. У Маркса была более развита сила абстракции, способность находить общее в беспорядочной массе отдельных явлений; у Энгельса—способность комбинировать, уменье по отдельным признакам явления воссоздавать его общую картину. Маркс обладал более сильным критическим дарованием, в нем сильна была самокритика, которая сдерживала смелость его мысли и побуждала его развивать ее осторожно, постоянно пробуя под собою почву. Наоборот, Энгельс в гордом восторге при виде развертывающихся пред его умственным взором могучих перспектив, окрылялся вдохновением и легко преодолевал величайшие трудности.

Влияние Энгельса на Маркса отразилось особенно сильно в одном отношении. Мышление Маркса было поднято на огромную высоту, потому что он преодолел односторонность немецкого мышления и оплодотворил его французской мыслью,—Энгельс ввел его в мир английской мысли. Только благодаря этому, мышление Маркса достигло наибольшей высоты, какая только была возможна при данных условиях. И нет ничего ошибочнее утверждения, будто марксизм представляет собой чисто немецкий продукт. Уже при самом своем зарождении он носил интернациональный характер.

IV. Синтез немецкой, французской и английской мысли.

Три нации были в XIX столетии носителями современной культуры. И только тот, кто проникся духом этих трех наций, кто изучил все созданное ими, кто был вооружен всеми знаниями своего времени, мог совершить самое великое, что только возможно было совершить при средствах этого века.

Синтез мысли этих трех наций в высшем единстве, в котором устранялось все, что было одностороннего в мышлении каждой из них, является исходным пунктом исторической деятельности Маркса и Энгельса.

Как уже сказано, в Англии в первой половине XIX столетия капитализм достиг большей степени развития, чем в какой-либо другой стране; это объясняется прежде всего ее экономическим положением, благодаря которому в XVIII столетии она извлекла значительные выгоды из колониальной политики завоеваний и грабежа, тогда как примыкающие к Атлантическому океану страны европейского континента были приведены этой политикой к полному истощению. Благодаря островному положению, Англия не нуждалась в постоянной армии, она могла посвятить все свои силы развитию флота и, не истощая себя, достигнуть морского господства.

Обилие угля и железа дало ей возможность применить богатства, добытые колониальной политикой, для развития крупной капиталистической промышленности. В свою очередь эта промышленность, благодаря преобладанию Англии на море, завоевала всемирный рынок для продуктов массового потребления, которые, до развития железных дорог, можно было перевозить только морским путем.

Поэтому в Англии раньше, чем где-либо, можно было изучать не только капитализм и его тенденции, но и классовую борьбу пролетариата, которая вызывалась ростом капитализма. Нигде также познание законов капиталистического способа производства, т.-е. политическая экономия, не достигло такого развития, как в Англии. И то же самое приходится сказать об экономической истории и

этнологии, развивавшихся благодаря мировой торговле. В Англии легче, чем где-либо, можно было открыть, что скрывалось в недрах будущего, и здесь же развитие новых общественных наук облегчало познание законов, управляющих общественным развитием на протяжении всей истории, а следовательно, и обоснование единства естественных и общественных наук. Однако, Англия давала в этом отношении лишь наилучший материал, но далеко не самый совершенный метод исследования.

Именно потому, что в Англии развитие капитализма началось раньше, чем где-либо, английская буржуазия достигла господства в обществе еще тогда, когда роль феодализма в политической, экономической и духовной жизни еще не была сыграна, а буржуазия не достигла еще полной самостоятельности. Та самая колониальная политика, которая так сильно способствовала развитию капитализма, придавала и феодалам новые силы.

Кроме того, по указанным уже причинам, постоянная армия не достигла в Англии значительного развития. Это помешало возникновению сильной, централизованной правительственной власти. Бюрократия не сложилась в сильную организацию, а рядом с ней значительной властью располагало самоуправление господствующих классов. Но поэтому и классовая борьба не носила строго централизованного характера, часто принимая форму разрозненных столкновений.

Все это приводило к тому, что вся жизнь и мышление были проникнуты духом к о м п р о м и с с а между старым и новым. Мыслители и передовые борцы подымавшихся классов не отвергали принципиально христианства, аристократии, монархии, их партии не выставляли широких программ. Они не стремились доводить свои идеи до логического конца и, вместо всеобъемлющих программ, предпочитали добиваться осуществления практических мероприятий, которые казались им полезными в данный момент. Ограниченность и консерватизм, переоценка мелкой повседневной работы в области политики и отрицательное отношение к далеким перспективам одинаково отличали все классы.

Положение во Франции было совсем другое. Уровень экономического развития этой страны был гораздо ниже, ее капиталистическая промышленность производила по преимуществу предметы роскоши, в стране преобладала мелкая буржуазия. Но тон жизни всей страны задавала мелкая буржуазия такого крупного города, как Париж. А таких больших городов, с населением в полмиллиона и более, до постройки железных дорог, было немного, и роль их была гораздо более значительна, чем в наше время. Армия до раз-

вития железных дорог, которые впервые сделали возможным быстрый транспорт масс, могла иметь лишь незначительные размеры. Войска были рассеяны по всей стране, их нельзя было быстро стянуть в одно место, и вооружение их было настолько несовершенно, что в борьбе с ними народные массы были далеко не так беззащитны, как в наше время. И действительно, парижане всегда отличались особенной строптивостью и уже задолго до Великой Революции не раз принуждали правительство к уступкам.

До введения всеобщего обязательного обучения, до улучшения почтовых сношений, благодаря железным дорогам и телеграфу, до распространения ежедневных газет по всей стране, и интеллектуальное превосходство населения больших городов по сравнению с остальной страной, а следовательно и его духовное влияние, было очень велико. Для широких, необразованных масс личные сношения и беседы представляли иногда единственный источник образования, главным образом политического. Таким же путем составлялись взгляды на искусство, приобретались научные познания. Во сколько раз больше была эта возможность в крупном городе по сравнению с мелкими городами и деревней! Все, жившие умственными интересами, стремились в Париж, где они надеялись развить свои духовные силы и найти им применение. И на всех, кто жил и действовал в Париже, лежала печать духовного превосходства.

И вот на глазах этого критически настроенного, задорного и смелого населения развертывается картина неслыханного банкротства государственной власти и господствующих классов.

Те же причины, которые мешали экономическому развитию Франции, вели к упадку феодализма и государства. В особенности колониальная политика потребовала от государства огромных жертв, истощила его военные и финансовые силы и ускорила экономическое разорение—прежде всего крестьян, но также и аристократов. Государство, дворянство и церковь, несмотря на их моральное а за исключением церкви, и финансовое банкротство, не останавливаясь ни перед какими средствами, умели отстаивать свое деспотическое господство, так как, благодаря постоянной армии, развитой бюрократии и отсутствию каких-либо самостоятельных организаций в народе, власть была централизована в руках правительства.

Это привело, наконец, к той колоссальной катастрофе, которую мы называем Великой Французской Революцией. Мелкой буржуазии и пролетариату Парижа удалось тогда на короткое время подчинить всю Францию своему господству и вступить в борьбу со всей Европой. Но уже раньше резкое и все растущее противо-

речие между потребностями народной массы, руководимой либеральной буржуазией, и интересами аристократии и духовенства, на страже которых стояла государственная власть, привело к полной революции в области мысли. Всем традиционным авторитетам была объявлена война. Материализм и атеизм, бывшие в Англии простой прихотью вырождающегося дворянства и быстро исчезнувшие с победой буржуазии,—во Франции стали воззрениями самых смелых реформаторов из среды поднимающихся классов. Если экономическая основа классовых противоречий и классовой борьбы нигде не выступала так ясно, как в Англии, то во Франции, стране революции, было легче, чем где-либо, констатировать факт, что всякая классовая борьба есть борьба за политическую власть, что крупная политическая партия должна ставить себе целью не проведение той или иной реформы, а завоевание политической власти, что, когда это завоевание совершается порабощенным классом, оно влечет за собой перестройку всех общественных отношений. Если в первой половине XIX столетия в Англии более всего была развита экономическая мысль, то во Франции наивысшего развития достигло политическое мышление. Если в Англии царил дух компромисса, то Франция была проникнута радикализмом. Если в Англии процветала мелкая повседневная работа организационного строительства, то Франция была страной бурной революционной страсти.

Смелому радикализму дела предшествовал смелый радикализм мышления: для него не было ничего святого, бесстрашно и беспощадно доводило оно каждую мысль до ее логического конца, делало из нее все крайние выводы. Но эта медаль имела свою оборотную сторону. Блестящие и увлекательные результаты этого мышления и этой деятельности были тесно связаны с целым рядом недостатков и ошибок. Стараясь в страстном нетерпении скорее достичь последних и самых крайних целей, революционная мысль не успевала подготовиться к делу. В пылком стремлении взять революционным штурмом твердыню государства, забывали об организационных приготовлениях к осаде. Пламенная жажда высшей истины приводила к поспешным выводам на основе совершенно недостаточного материала, место терпеливого исследования занимало пристрастие к остроумным парадоксальным идеям. Бесконечное разнообразие жизни старались исчерпать несколькими несложными формулами и лозунгами. Британской трезвенности здесь противопоставлялось галльское увлечение фразой.

В Германии мы опять встречаем иное положение. Здесь капитализм был еще меньше развит, чем во Франции. Германия была

почти совершенно отрезана от Атлантического океана, великого водного пути мировой торговли Европы, и поэтому лишь медленно оправлялась после ужасных опустошений Тридцатилетней войны. В гораздо большей степени, чем Франция, Германия была мелкобуржуазной страной, лишенной, к тому же, сильной централизованной государственной власти. Она дробилась на множество мелких государств, в ней не было ни одного крупного столичного города, и это преобладание мелких государств и мелких городов создавало ограниченную, слабую и трусливую мелкую буржуазию. Когда германский феодализм, наконец, рухнул, то не под напором народного восстания, а благодаря чужеземному вторжению. Не немецкие граждане, а французские солдаты вымели его из важнейших областей Германии.

Правда, огромные успехи буржуазии в Англии и Франции вызвали сильное возбуждение и в рядах немецкой буржуазии. Но жажда дела, которой были проникнуты ее наиболее энергичные и образованные элементы, не могла найти себе удовлетворения, ибо все сферы деятельности, завоеванные западно-европейской буржуазией, были закрыты для них. Они лишены были возможности основывать и руководить крупными торговыми и промышленными предприятиями, влиять на дела государства в парламентах и могущественной прессе, занимать первые места во флоте или армии. Действительность представлялась им безотрадной; они старались уйти от нее в сферу чистого мышления и чистого искусства. В этих областях они работали со всей энергией; здесь они действительно создали нечто великое, и на этом поприще немецкий народ превзошел Францию и Англию. Если Франция и Англия дали Питта, Фокса и Борка; Мирабо, Дантона и Робеспьера; Нельсона и Наполеона,—то Германия выдвинула таких людей, как Шиллер и Гёте, как Кант, Фихте и Гегель.

Мышление стало преимущественным занятием великих людей Германии; миром, по их мнению, управляли идеи, и революция в области мышления казалась им средством для революционизирования всего мира. Чем безотраднее была действительность, тем сильнее стремилась мысль подняться над ней, вырваться из рамок ее, объять необъятное.

В то время, как англичане придумывали лучшие способы для обеспечения побед своему флоту и промышленности, а французы—способы для обеспечения побед их армии и их восстаниям, немцы новыми методами открывали путь победному шествию мысли и исследования.

Но и триумфы немцев, так же, как триумфы французов и

англичан, имели свои невыгодные стороны, сказавшиеся одинаково в области теории и практики. Забвение действительности порождало отчуждение от мира и переоценку значения идеи. Они начинали жить своей самостоятельной жизнью и делались независимыми от людей, в головах которых они зародились и которые могли осуществить их. Немцы довольствовались своей теоретической правотой и не стремились приобрести силу, чтобы воплотить свою теорию в действительность. За глубокой немецкой философией, за основательностью немецкой науки, за высоким полетом немецкого идеализма, за всем этим, создавшим так много прекрасного, скрывалось бесконечное практическое бессилие и полное отречение от всякой борьбы за власть. Немецкие идеалы были гораздо выше, чем французские и английские. Но ничего не делалось, чтобы приблизиться к ним. Все признавали, что идеал есть нечто недостижимое.

И точно так же, как на англичан консерватизм, а на французов радикализм фразы, так на немцев созерцательный идеализм до сих пор накладывает свою печать. Конечно, развитие крупной промышленности в течение последних десятилетий сильно уменьшило его влияние, но и прежде еще он встретился с проникшим в Германию духом Французской Революции. Слияние французской революционной мысли с немецким философским методом дало Германии некоторых из ее величайших умов — стоит только вспомнить Генриха Гейне и Фердинанда Лассаля.

Но это слияние, оплодотворенное английской экономической мыслью, дало еще более грандиозные результаты. Ему мы обязаны системой Маркса и Энгельса.

Они поняли, что экономия и политика, что мелкая организационная работа и революционный штурм в высокой степени обусловливают друг друга, что повседневная работа, без могучего стимула великой руководящей цели, остается бесплодной, что без такой невидной предварительной работы, дающей необходимую силу для достижения этой цели, она теряет под собой всякую почву. Но они поняли также, что эта цель будет свободна от иллюзий и самообмана тогда, когда она нарождается не одной только революционной страстью, когда она найдена путем добросовестного применения научных методов, когда она находится в согласии со всей суммой человеческого познания. И, наконец, применив к исследованию английских экономических отношений методы немецкой философии, они поняли, что экономические отношения составляют основу общественного развития, что именно в них надо искать законы, по которым с естественной необходимостью совершается это развитие. Таким путем они нашли ту цель, для достижения которой, как

учит пример Франции, мы должны приобрести силу, завоевать политическую власть.

Так, путем слияния всего великого и плодотворного, что заключалось в английской, французской и немецкой мысли, они создали современный научный социализм.

V. Соединение рабочего движения с социализмом.

Материалистическое понимание истории уже само по себе составляет эпоху. Что бы ни говорили представители буржуазной учености, оно знаменует начало новой эры в науке. И оно составляет эпоху не только в истории мысли, но и в истории борьбы за общественное развитие, в истории политики в самом широком и высшем смысле слова. Оно сделало возможным соединение рабочего движения с социализмом, и благодаря этому пролетариат в своей классовой борьбе мог развить высшую энергию, на какую он только способен.

Рабочее движение и социализм по своему происхождению далеко не тождественны. Рабочее движение, как неизбежная реакция против промышленного капитализма, стихийно возникает всюду, где развивается капиталистическая промышленность, где капитал экспроприирует трудящиеся массы, порабощает их, но в то же время скопляет их в крупных предприятиях и городах и, таким образом, объединяет их. Первичной формой рабочего движения является экономическая борьба, борьба за повышение заработной платы и сокращение рабочего времени, которая вначале принимает форму непосредственных взрывов отчаяния, стихийных бунтов, но затем она, под влиянием профессиональной организации, принимает более совершенные формы. Рядом с экономической уже рано возникает и политическая борьба. Буржуазия, в своей борьбе против феодализма нуждается в поддержке пролетариата и обращается к нему за помощью. Рабочие при этом скоро приучаются ценить значение политической свободы и политической власти для их собственных целей. Так, всеобщее избирательное право уже очень рано становится в Англии и Франции целью политических стремлений пролетариата, и на этой почве в сороковых годах XIX столетия в Англии возникает пролетарская партия чартистов.

Одновременно с рабочим движением возникает и социализм, но вовсе не в среде пролетариата. Конечно, социализм так же, как и рабочее движение, является продуктом ка-

питализма. Социализм и рабочее движение одинаково порождаются стремлением противодействовать той нищете, в которую капиталистическая эксплуатация ввергает трудящиеся классы. Но если рабочее движение, сопротивление пролетариата гнету капитализма, стихийно возникает всюду, где имеется многочисленное рабочее население, то возникновение социализма предполагает уже глубокое понимание сущности современного общественного строя. В основе всякого социалистического учения лежит сознание, что современная нищета не может быть устранена при сохранении буржуазного общества, что коренной причиной этой нищеты является частная собственность на средства производства, что нищета исчезнет только с исчезновением частной собственности. В этом пункте все социалистические системы согласны. Они расходятся только в определении того пути, который приведет к уничтожению частной собственности, и в понимании той новой общественной собственности, которая должна занять ее место.

Ожидания и планы социалистов часто были очень наивны, но теории, лежавшие в их основе, предполагали такие социальные познания, которые в первых десятилетиях XIX века были совершенно недоступны пролетариату. Конечно, прийти к социалистическим воззрениям мог только тот, кто умел стать на почву пролетариата и с его точки зрения рассматривал буржуазное общество. Но он в то же время должен был обладать научным образованием, которое тогда было достоянием только буржуазных кругов. Если рабочее движение естественно и неизбежно возникает на почве капиталистического производства всюду, где капитализм достиг известной степени развития, то возникновение социализма, напротив, предполагает еще совпадение целого ряда условий, которое встречалось лишь редко. *Во всяком случае, социализм мог возникнуть сначала только в буржуазной среде.* В Англии еще до последнего времени пропаганда социализма велась буржуазными элементами.

В таком происхождении социализма часто видели противоречие теории классовой борьбы Маркса. Но это было бы верно лишь в том случае, если бы когда-нибудь или где-нибудь буржуазия, как *класс*, усвоила социализм, или если бы Маркс не допускал, чтобы отдельные не пролетарские элементы, под влиянием особых условий, могли воспринимать точку зрения пролетариата.

Маркс всегда утверждал только, что рабочий класс представляет собой единственную силу, которая в состоянии осуществить социалистический строй. Другими словами, пролетариат может освободить себя только сам. Но это еще вовсе не значит, что и *путь*

к освобождению ему могут указать только пролетарии.

Что социализм не имеет никакого практического значения, если носителем его не является широкое рабочее движение, — не требует никаких доказательств. Не так ясна обратная сторона медали—что рабочее движение только тогда может развить все свои силы, когда оно восприняло социализм и сделало его своей программой.

Социализм не есть продукт какой-нибудь этической системы, стоящей вне времени и пространства и независимой от всяких классовых противоречий.

Социализм есть, в сущности, не что иное, как наука об обществе, стоящая на точке зрения пролетариата. Но наука служит не только для удовлетворения нашей любознательности, жажды постичь неизвестное и таинственное, она преследует также экономическую цель: сбережение энергии. Наука дает возможность легче ориентироваться в окружающей нас действительности, она учит нас применять свои силы более целесообразно и, таким образом, достигать maximum'a того, что может быть достигнуто при данных условиях.

На первых стадиях развития науки ею пользуются в целях сбережения сил сознательно и непосредственно. Чем больше развивается наука и удаляется от своего исходного пункта, тем больше промежуточных звеньев соединяют научное исследование и его практическое приложение. Но эта связь не исчезает. Она делается только менее видимой.

И точно так же социальная наука пролетариата — социализм позволяет ему наиболее целесообразно использовать свои силы, развить максимальное количество энергии. И чем выше степень ее развития, чем глубже она постигает действительность, тем лучше она выполняет свою роль.

Социалистическая теория вовсе не праздная забава кучки кабинетных ученых, напротив, она имеет огромное практическое значение для борющегося пролетариата.

Главным оружием его является сплочение всей рабочей массы в могучих самостоятельных организациях, независимых от всякого буржуазного влияния. Но дело этого сплочения он может совершить только с помощью социалистической теории; она одна лишь в состоянии из пестрого разнообразия интересов различных пролетарских слоев выделить общие пролетарские интересы, резко и прочно отделить пролетариат от буржуазного мира.

Наивное, не имеющее никакой теории, рабочее движение, ко-

торое стихийно возникает в рабочей массе, как протест против развивающегося капитализма, не способно справиться с этой задачей.

Посмотрим, например, на профессиональные союзы. Они представляют собой союзы рабочих, ограниченные пределами отдельных профессий, и ставят себе задачей защиту интересов своих членов. Но как несходны эти интересы в различных профессиях, как сильно разнятся интересы матросов и углекопов, извозчиков и наборщиков! Без социалистической теории они не могут прийти к пониманию общности своих интересов, без нее отдельные слои пролетариата чужды, а иногда даже и враждебны друг другу.

Но так как профессиональные союзы защищают лишь ближайшие интересы своих членов, то они, как таковые, не стоят в противоречии со всем буржуазным миром, а ставят себе главной задачей лишь борьбу с капиталистами своей профессии. Но рядом с этими капиталистами существует множество буржуазных элементов, которые извлекают средства существования, непосредственно или косвенным образом, из эксплуатации пролетариата и заинтересованы в сохранении буржуазного общественного порядка. Они боролись бы против всякой попытки устранить капиталистическую эксплуатацию, но они вовсе не заинтересованы в том, чтобы условия труда были особенно неблагоприятны именно в той или иной профессии. Для крупного землевладельца или банкира, издателя газеты или адвоката было совершенно безразлично, составляла ли дневная заработная плата манчестерского прядильщика 2 или 2½ шил., работал ли он ежедневно 10 или 12 часов, если только они не были акционерами бумагопрядильных фабрик. Напротив, они были заинтересованы в том, чтобы сделать профессиональным союзам известные уступки и обеспечить себе, таким образом, их политическую поддержку. Поэтому там, где профессиональные союзы не проникнуты социалистической теорией, их деятельность легко было подчинить целям, которые менее всего соответствовали целям пролетариата.

Но были возможны, — и действительно совершались, — еще худшие явления. Не все слои пролетариата одинаково способны к профессиональной организации. В среде рабочего класса возникает противоположность между организованными и неорганизованными рабочими. Там, где первые проникнуты социалистической идеей, они становятся самой боевой частью пролетариата, его главным авангардом. Там же, где организованные рабочие чужды социализма, они очень легко превращаются в аристократов своего класса, которые не только перестают интересоваться судьбой не-

организованных пролетариев, но часто даже выступают против них, затрудняют для них доступ в организацию, чтобы монополизировать ее в свою пользу. Но неорганизованные рабочие неспособны к какой бы то ни было борьбе, не могут улучшить своего положения без помощи организованных. Без поддержки последних положение неорганизованной массы тем хуже, чем лучше положение организованных рабочих. Таким образом, несмотря на все усиление отдельных слоев рабочего класса, профессиональное движение, не проникнутое социалистическим духом, может в известных случаях приводить к ослаблению всего пролетариата, как класса.

Но и политическая организация пролетариата не может развить всех своих сил, если она не проникнута духом социализма. Об этом ясно свидетельствует первая рабочая партия, а именно чартизм, возникший в Англии в 1835 году. Отдельные элементы его шли в своих воззрениях и требованиях очень далеко, но партия в целом не выставила определенной социалистической программы и ставила себе лишь непосредственно достижимые цели. Главным требованием партии было всеобщее избирательное право; в нем видели, правда, не цель, а только средство для достижения цели, но для большинства чартистов и самая цель не выходила за пределы ближайших экономических требований, главным из которых было требование десятичасового нормального рабочего дня.

Это прежде всего влекло за собою ту невыгоду, что партия не являлась чисто классовой партией. Всеобщее избирательное право представляло требование, в осуществлении которого была заинтересована и мелкая буржуазия.

Присоединение к рабочей партии мелкой буржуазии, как таковой, казалось бы, представляет существенную выгоду. В действительности же партия пролетариата становится вследствие этого только многочисленнее, но не сильнее. Пролетариат имеет свои особые интересы и методы борьбы, которые отличаются от интересов и методов борьбы всех других классов. Союз с другими классами стесняет размах его борьбы, мешая ему развернуть все свои силы. Мы, социал-демократы, приветствуем мелкую буржуазию и крестьян, вступающих в наши ряды, но только тогда, когда они становятся на точку зрения пролетариата, когда они проникаются его психологией. О том, чтобы к нам примыкали только такие мелкобуржуазные и крестьянские элементы, заботится наша социалистическая программа. Такой программы не было у чартистов, и к их борьбе за избирательное право примкнули многочисленные мелкобуржуазные элементы, которые так же мало понимали пролетарские интересы и методы борьбы, как и сочувствовали им. Есте-

ственным и неизбежным результатом этого явилась ожесточенная борьба внутри чартизма, которая сильно ослабляла его.

Поражение революции 1848 г. на целое десятилетие приостановило политическую борьбу рабочего класса. Когда европейский пролетариат вновь зашевелился, английские рабочие снова начали борьбу за всеобщее избирательное право. Можно было, казалось, ожидать, что чартистское движение возродится. Но этому помешал удачный политический ход английской буржуазии. Предоставив избирательное право организованным рабочим, оторвав их от массы рабочего класса, она расколола английский пролетариат и таким образом предупредила возрождение чартизма. Ведь широкой программы, которая шла бы дальше всеобщего избирательного права, он не выставил. И как только это требование было в известной степени осуществлено и передовая часть рабочего класса получила удовлетворение, — исчезла всякая почва для возрождения чартизма. Только теперь, медленно и едва поспевая за рабочими европейского континента, англичане принялись за организацию самостоятельной рабочей партии. Но даже и теперь многие из них не понимают практического значения социализма для полного развития сил пролетариата и отказываются принять определенную партийную программу, потому что эта программа могла бы быть только социалистической! Они ждут, пока их заставит сделать это логика фактов. Только тогда, когда новая рабочая партия вполне проникнется социалистическим сознанием, английское рабочее движение развернет все свои силы и даст наиболее плодотворные результаты.

В настоящее время всюду уже существуют условия для столь необходимого слияния рабочего движения с социализмом. В течение первых десятилетий XIX века эти условия отсутствовали.

Рабочие массы были в то время так сильно придавлены натиском развивавшегося капитализма, что они едва были способны к какому-либо сопротивлению. Хорошо еще, если они защищались самым примитивным образом. О серьезном изучении общественных вопросов не могло быть и речи.

Буржуазные социалисты видели, поэтому, в порождаемой капитализмом нищете одну лишь сторону — ее подавляющую тенденцию, но они не замечали другой стороны, которая пробуждала в пролетариате революционные стремления. Единственной силой, способной освободить пролетариат, по их мнению, было сострадание благожелательной буржуазии. Они оценивали буржуазию по своему подобию и надеялись найти в ее среде достаточно единомышленников, чтобы осуществить социалистические мероприятия.

Пропаганда этого социализма встретила сочувствие среди буржуазных филантропов. Ведь буржуазия в общем не состоит из жестоких людей; нищета возбуждает в ней сочувствие, и, постольку она из нее не может извлечь выгоды для себя, она охотно приходит на помощь. Но если она готова сочувствовать страждущему пролетарию, то пролетарий борющийся ожесточает ее. Она чувствует, что последний подкапывается под основы ее существования. Просьба пролетария встречает ее симпатии, а требование — жестокую вражду. Поэтому рабочее движение вызывало неудовольствие и среди утопистов. Оно угрожало отнять у них тот фактор, на который они больше всего рассчитывали: сострадание «доброжелательной буржуазии» к обездоленным.

Не веря в силу пролетариата, который тогда в общем представлял еще мало сознательную массу, сознавая недостатки наивного рабочего движения, социалисты видели в последнем задерживающий элемент. Так, они не редко высказывались против рабочего движения, стараясь доказать, например, как бесполезны профессиональные союзы, ведущие борьбу за увеличение заработной платы, вместо того, чтобы бороться против всей системы наемного труда, которая и составляет корень всего зла.

Постепенно, однако, подготовлялся переворот. В сороковых годах рабочее движение развилось настолько сильно, что выдвинуло из своей среды целый ряд даровитых людей, которые усвоили идеи социализма и признали в нем пролетарскую науку об обществе. Эти рабочие знали по собственному опыту, что им нечего ждать от буржуазной филантропии. Они поняли, что пролетариат должен сам себя освободить. В то же время и некоторые социалисты из буржуазной среды перестали рассчитывать на великодушие буржуазии. Правда, они не верили и пролетариату. Рабочее движение они рассматривали, как силу разрушительную, которая угрожает всей культуре. По их мнению, одна только буржуазная интеллигенция в состоянии была создать социалистическое общество. Но уже не сострадание к угнетенным, а боязнь пред восстанием пролетариата должна была заставить буржуазию сдаться. Они видели могучую силу пролетариата и поняли, что рабочее движение есть необходимый продукт капиталистического производства, что вместе с последним рабочее движение все более будет развиваться. Они надеялись, что страх пред растущим рабочим движением вынудит интеллигентную буржуазию согласиться на ряд социальных мер, которые устранили бы опасный характер этого движения.

Это был решительный шаг вперед, но из этих воззрений не могло еще возникнуть соединения рабочего движения с социализ-

мом. У социалистов-рабочих, несмотря на гениальность некоторых из них, не было знаний, необходимых для создания новой, высшей теории социализма, в которой последний органически был бы связан с рабочим движением. Они сумели только усвоить старый буржуазный социализм-утопизм и приспособить его к своим нуждам.

Больше всего успели в этом направлении те пролетарские социалисты, которые восприняли идеи чартизма или французской революции; последние в особенности приобрели большое значение в истории социализма. Великая Французская Революция ясно показала, какое значение для освобождения всякого класса может иметь завоевание политической власти. Благодаря своеобразным условиям этой революции, одной сильной политической организации, клубу якобинцев, удалось с помощью террора завладеть Парижем, мелкобуржуазное население которого было перемешано с пролетарским элементом, а через посредство Парижа и всей страной. Еще тогда, в эпоху революции, Бабеф сделал из этого факта выводы в чисто пролетарском смысле и пытался посредством заговора завладеть политической властью для создания коммунистической организации.

Память о Бабефе никогда не умирала среди французских рабочих. Вот почему для пролетарских социалистов завоевание политической власти уже рано стало средством, с помощью которого они надеялись получить силу для осуществления социализма. Но, в виду слабости и неподготовленности пролетариата, они видели только один путь для завоевания политической власти: бунт группы заговорщиков должен был развязать революцию. Среди приверженцев этой точки зрения во Франции наиболее известен Бланки. Выразителем подобных идей в Германии был Вейтлинг.

Другие социалисты тоже примкнули к традициям французской революции. Но бунт казался им мало пригодным средством для свержения власти капитала. На силу рабочего движения они рассчитывали так же мало, как и только что упомянутые социалисты. Они проглядели, что в основе существования мелкой буржуазии, как и капитала, одинаково лежит частная собственность на средства производства, и надеялись, что пролетариат сумеет справиться с капиталом не только без всякой помехи со стороны мелкой буржуазии, «народа», но даже с его помощью. Нужна только республика и всеобщее избирательное право, и государственная власть пойдет по пути социализма.

В противоположность этому республиканскому суеверию, главным представителем которого был Луи Блан, мы встречаем

в Германии монархическое суеверие социального королевства, идея которого развивалась некоторыми профессорами и идеологами [1]).

Этот государственный социализм был только модным увлечением, а иногда и демагогической фразой. Серьезного практического значения он никогда не имел. Такое значение получили только направления Бланки и Луи Блана. В дни февральской революции 1848 г. им удалось овладеть Парижем.

Их теории встретили сильного критика в лице Прудона. Он не верил ни в пролетариат, ни в государство, ни в революцию. Он, правда, признавал, что пролетариат должен сам себя освободить. Но он видел также, что, когда пролетариат ведет борьбу за свое освобождение, он должен бороться с государством за обладание политической властью, потому что даже чисто экономическая борьба, при отсутствии права коалиции, как рабочие это чувствуют на каждом шагу, связана с борьбой политической. А так как Прудон считал борьбу за политическую власть безнадежной, он советовал пролетариату в своих стремлениях к освобождению воздерживаться от всякой борьбы, использовать только средства мирной организации, как, например, устройство меновых банков, страховых обществ и подобных учреждений. Значение профессиональных союзов он так же мало понимал, как и значение политики.

Таким образом в течение десятилетия, когда Маркс и Энгельс вырабатывали свою точку зрения и свой метод, рабочее движение, социализм и всякие попытки объединить их в единое целое представляли хаос различных течений, из которых каждое обладало частицей истины, но ни одно не в состоянии было охватить ее всецело и рано или поздно должно было кончиться неудачей.

Чего не в состоянии были достигнуть эти направления, удалось сделать материалистическому пониманию истории, которое таким образом, на ряду с громадным значением для науки, приобрело не менее важное значение и для действительного развития общества. Оно одинаково облегчило переворот как в области науки, так и в области социальных отношений.

Вместе с социалистами своего времени Маркс и Энгельс признавали, что рабочее движение бессильно, если оно противопоставляется социализму, если вопрос ставится так: какое средство наиболее пригодно, чтобы доставить пролетариату обеспеченное существование и уничтожить всякую эксплуатацию,—рабочее движение

---

[1]) Монархическая власть, стоящая над классами, должна была и могла, по их мнению (Штейн и др.), взять под свою высокую руку пролетариат и помочь ему в борьбе с вредными сторонами капитализма. Н. Р.

(профессиональные союзы, борьба за избирательное право и т. д.), или социализм? Они поняли, что этот вопрос поставлен совершенно неверно. Социализм и обеспеченное существование пролетариата, а также уничтожение всякой эксплуатации — это тождественные понятия. Вопрос, в сущности, состоит в следующем: каким путем удастся пролетариату добиться осуществления социализма? На этот вопрос теория классовой борьбы отвечает: путем рабочего движения.

Правда, классовая борьба не может сейчас же устроить пролетариату обеспеченное существование и уничтожить всякую эксплуатацию, но это единственное средство не только для защиты отдельных пролетариев от нищеты. С помощью классовой борьбы пролетариат все больше увеличивает свою силу, экономическую, политическую и духовную, силу, которая все больше растет, хотя одновременно с этим усиливается и эксплуатация пролетариата. Не уменьшением эксплуатации, а ростом силы пролетариата измеряется значение рабочего движения. Не заговор Бланки, не демократический социализм Луи Блана и не мирные организации Прудона, а только классовая борьба, хотя она и будет длиться десятки лет, даже и целые поколения, создаст ту силу, которая может и должна осуществить социализм. Вести экономическую и политическую классовую борьбу, неустанно выполнять для этого необходимую мелкую работу, освещая ее светом социализма, спаять таким образом организацию и деятельность пролетариата в единое и гармоническое целое, которое неудержимо развивается, — вот что, по мнению Маркса и Энгельса, должен делать всякий, — пролетарий ли он или нет, — кто становится на точку зрения пролетариата и хочет его освобождения.

Рост силы пролетариата основывается в последнем счете на вытеснении мелкобуржуазного способа производства капиталистическим. Капитализм умножает число пролетариев, он сосредоточивает их в огромных массах, он увеличивает их значение для всего общества, но в то же время он создает путем все более возрастающей концентрации капитала предварительные условия для общественной организации производства. И эту организацию уже не приходится изобретать утопистам при помощи фантазии, она должна развиться из капиталистической действительности.

Таким путем Маркс и Энгельс создали основу, на которой возвышается социал-демократия, фундамент, на который все больше становится пролетариат всего мира, исходный пункт, от которого он начал свое победное шествие.

Эту работу невозможно было выполнить, пока социализм не

имел своей собственной науки, независимой от буржуазной. Социалисты до Маркса и Энгельса вообще были хорошо знакомы с политической экономией, но они принимали ее без всякой критики, в таком виде, как она была создана буржуазными мыслителями, а отличались от последних только тем, что делали из нее другие выводы, более благоприятные для пролетариата.

Только Маркс впервые предпринял самостоятельное исследование капиталистического способа производства. Он показал, насколько яснее и глубже можно понять капитализм, если рассматривать его не с буржуазной, а с пролетарской точки зрения: в то время, как первая остается в рамках капитализма, последняя стоит вне его и над ним.

Эту великую работу Маркс, в сотрудничестве с Энгельсом, выполнил в своем «Капитале» (1867), после того, как он изложил свою новую социалистическую точку зрения в «Коммунистическом Манифесте» (1848).

Тогда освободительная борьба пролетариата получила такой великий и прочный фундамент, которым не обладал еще ни один революционный класс. Правда, ни одному классу не выпала на долю такая гигантская задача, как современному пролетариату. Ему приходится перестраивать мир, основы которого расшатаны капитализмом. Но, к счастью, пролетариат не Гамлет. Свою задачу он не встречает жалобой: в ее грандиозном величии он черпает только уверенность и силу.

VI. Синтез теории и практики.

Мы рассмотрели уже наиболее ценные результаты, к которым пришли Маркс и Энгельс. Но картина их деятельности осталась бы неполной, если бы мы не указали еще на одну ее сторону, весьма характерную: на слияние теории и практики.

Правда, буржуазные мыслители считают эту черту пятном на репутации Маркса и Энгельса, пред научным значением которых— неохотно, с ропотом и плохо понимая их—должна склониться даже буржуазная ученость. Если бы они были только теоретиками, кабинетными учеными, которые удовлетворялись бы тем, что излагали свои теории на непонятном для профанов языке и печатали бы их в недоступных массе фолиантах, то с этим еще можно было бы мириться. Но уже одно то, что их наука, родившаяся в борьбе, продолжает служить для борьбы против существующего порядка, должно было сделать Маркса и Энгельса пристрастными и ослабить их научную честность.

Эта убогая точка зрения в состоянии представить себе борца только в виде адвоката, которому наука нужна лишь, чтобы доставить ему побольше аргументов для опровержения противной стороны. Они не имеют ни малейшего понятия о том, что никто не жаждет так страстно правды, как истинный борец, который может рассчитывать на победу в борьбе лишь тогда, когда ему ясна его позиция, когда он знает, какими средствами он располагает, каковы дальнейшие перспективы. Судья, толкующий законы, еще может попасться на удочку ловкого крючкотворца, изучившего юриспруденцию, но закономерная необходимость может быть только понята: она неподкупна, и ее нельзя обмануть.

Борец, который стоит на этой точке зрения, черпает во все более разгорающейся борьбе еще более сильное стремление к голой, ничем неприкрытой истине. Но вместе с тем такое же сильное стремление—не сохранить эту истину для себя одного, но поделиться ею со своими товарищами по борьбе.

Так и Энгельс писал о времени между 1845—48 гг., когда он и Маркс пришли к своим научным выводам, что они не имели ника-

кого намерения изложить результаты своих работ «в толстых книгах, предназначенных исключительно для ученого мира». Наоборот, они сейчас же завязали сношения с пролетарскими организациями, чтобы вести пропаганду своих взглядов и соответствующей им тактики. Им удалось привлечь на свою сторону самую крупную пролетарскую революционную организацию того времени, международный «Союз Коммунистов». Эти принципы за несколько недель до февральской революции 1848 года были изложены в «Коммунистическом Манифесте» и с того времени стали «руководством» для пролетарского движения всего мира.

Революция вызвала Маркса и Энгельса в Париж, а после в Германию, где они одно время целиком ушли в революционную практику.

Поражение революции заставило их, начиная с 1850 г., волей-неволей посвятить себя всецело теории. Но, когда в начале шестидесятых годов вновь пробудилось рабочее движение, Маркс и Энгельс, оставшиеся сначала в силу личных условий в стороне, всю свою энергию опять посвятили практической деятельности. Речь идет о Международном Обществе Рабочих, которое было основано в 1886 году и скоро стало страшилищем всей буржуазной Европы.

Жалкая полицейская точка зрения, приучившая даже буржуазную демократию относиться подозрительно ко всякому пролетарскому движению, заставила видеть в Интернационале чудовищное общество заговорщиков, главной целью которого являлось устройство бунтов и беспорядков. В действительности Интернационал совершенно открыто ставил себе следующую задачу: объединение всего пролетариата для с о в м е с т н о й деятельности, но деятельности с а м о с т о я т е л ь н о й, независимой от буржуазной мысли и политики, с целью экспроприации капитала и завоевания пролетариатом политической и экономической власти у господствующих классов. Самым важным и решительным шагом на этом пути является завоевание политической власти, но экономическое освобождение рабочего класса служит конечной целью, «которому всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство».

Наилучшим орудием для развития сил пролетариата Маркс признает организацию.

«В распоряжении пролетариата находится один фактор победы, — писал он в первом адресе Интернационала, — масса (numbers — обыкновенно переводят «число», что не имеет никакого смысла). Но масса тогда только приобретает большое значение, когда она организована и стремится к определенной цели».

Без цели нет организации. Только общая цель может сплотить

отдельные личности в единую организацию. И наоборот различие цели в такой же степени разъединяет, как общность ее—сплачивает.

Именно в виду значения организации для пролетариата так важно знать цель, которая ставится ею. Эта цель имеет огромное практическое значение. Трудно себе представить что-нибудь более непрактичное, чем якобы реально-политический взгляд, для которого движение—все, а цель—ничто. Или, быть-может, организация тоже ничто, а неорганизованное движение—все?

Еще до Маркса социалисты указывали пролетариату определенные цели. Но они плодили только секты, вызывали расколы в среде пролетариата, потому что каждый из тех социалистов придавал главное значение тому специфическому решению социального вопроса, которое он нашел. Сколько было решений, столько было и сект.

Маркс не дал никакого особого решения. Он никогда не соглашался стать «положительным» и разработать в деталях те средства, которые должны привести к освобождению пролетариата. В Интернационале Маркс ставил организации только одну общую цель, которую мог усвоить себе каждый пролетарий — экономическое освобождение своего класса; и средство, намеченное им для достижения этой цели, подсказывалось каждому пролетарию его классовым инстинктом: экономическая и политическая классовая борьба.

Особенно энергично пропагандировал Маркс в рядах Интернационала профессиональную форму организации. Он считал профессиональные союзы формой организации, которая больше всего способна на долгое время сплотить широкие массы. В них же он видел кадры рабочей партии.

Но, работая для развития профессиональных союзов, он не менее энергично трудился и для того, чтобы наполнить их духом классовой борьбы, развить в них сознание условий, при которых создается возможность для экпроприации класса капиталистов и освобождения пролетариата.

Ему приходилось при этом бороться с сопротивлением как раз наиболее передовых рабочих, приверженцев социалистов-утопистов, которые относились с пренебрежением к профессиональным союзам, потому что они не затрагивают самой системы наемного труда. Организацию профессиональных союзов они считали отступлением от верного пути и признавали необходимость только тех организаций, в которых система наемного труда устранялась непосредственно, как, например, в производительных кооперативах. И если, несмотря на это, во второй половине шестидесятых годов на европейском континенте начали сильно развиваться профессиональ-

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина 1979 г.

ные союзы, то это явление объясняется деятельностью Интернационала и влиянием, которое как в нем самом, так и чрез его посредство оказывал Маркс.

Но для Маркса профессиональные союзы представляли не самоцель, а только средство для достижения цели: классовой борьбы против капиталистического строя.

Профессиональные вожди, которые старались отвлечь профессиональные союзы от этой цели — по личным ли соображениям, или узко-профессиональным—встречали в лице Маркса энергичного противника. Так, например, он боролся с вожаками английских профессиональных союзов, когда они начали заигрывать с либералами.

Вообще, насколько Маркс был снисходителен и терпим по отношению к пролетарским м а с с а м, настолько же был он строг по отношению к тем, которые выступали как в о ж д и пролетариата. В особенности это относится к теоретикам пролетариата.

В пролетарскую организацию Маркс готов был охотно допустить всякого рабочего, который вступал в нее с целью принять участие в классовой борьбе—все равно, каковы бы ни были другие воззрения этого рабочего, каковы бы ни были его теоретические мотивы, какими бы аргументами он ни пользовался, был ли он атеистом или добрым христианином, прудонистом, бланкистом, последователем Вейтлинга или Лассаля, понимал ли он трудовую теорию стоимости или считал ее совершенно ненужной и т. д.

Понятно, для него далеко не было безразлично, имел ли он дело с сознательными и малосознательными рабочими

Он считал очень важной задачей пропаганду среди этих рабочих и назвал бы крупной ошибкой желание не допускать рабочего в организацию только потому, что он плохо разбирается в вопросах теории. Маркс был уверен, что сила классовых противоречий и логика классовой борьбы необходимо должны будут направить каждого пролетария по верному пути, если он только вступит в организацию, которая служит действительной пролетарской классовой борьбе.

Совсем иначе он относился к людям, которые приходили поучать пролетариат и вносили в его среду взгляды, угрожавшие силе и единству классовой борьбы. По отношению к этим элементам он не признавал никакой терпимости. В таких случаях он выступал со строгой критикой, как бы ни были хороши их намерения; их деятельность казалась ему опасной, если она только вообще приводила к каким-нибудь результатам, а не оказывалась бесполезной тратой сил.

Вследствие этого, Маркса многие ненавидели, его ненавидели

не только буржуазия, видевшая в нем своего опаснейшего врага, но и всякие сектанты, пророки, ученые пустомели и им подобные элементы в социалистическом лагере, которые тем более возмущались против его «нетерпимости», «авторитаризма», «папства», «духа инквизиции», чем сильнее задевала их его критика.

Вместе с воззрениями Маркса мы, марксисты, восприняли и его «нетерпимость», и мы гордимся этим. Только тот, кто чувствует свою слабость, жалуется на «нетерпимость» чисто литературной критики. Никого не критикуют так много и с таким ожесточением, как Маркса и марксизм. Но до сих пор ни один еще марксист не вздумал жаловаться на нетерпимость литературных противников. Мы для этого слишком убеждены в правильности своих взглядов.

Но мы далеко не относимся безразлично к тому голосу недовольства, который иногда раздается в рабочих массах против литературной полемики между марксизмом и его критиками. За этим недовольством скрывается вполне понятная потребность, потребность в единстве классовой борьбы, в объединении всех пролетарских элементов в крупную массовую организацию, боязнь расколов, которые могут ослабить пролетариат.

Рабочие прекрасно понимают, какую силу они черпают в своем единстве, они ценят его выше теоретической ясности и относятся отрицательно к теоретическим дискуссиям, если они грозят расколами. И они правы, потому что стремление к теоретической ясности привело бы к прямо противоположным результатам, если бы оно, вместо того, чтобы усилить пролетарскую классовую борьбу, ослабило ее.

Марксист, раскалывающий из-за какого-нибудь теоретического разногласия пролетарскую организацию, поступает в этом случае не как марксист, он перестает действовать в духе марксистского учения о классовой борьбе, для которого каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ.

Свои взгляды на положение, которое должны занять марксисты во всякой пролетарской организации, Маркс и Энгельс изложили в «Коммунистическом Манифесте», в главе: «Пролетарии и коммунисты» (Коммунистами тогда называли тех, которых теперь называют марксистами).

Там сказано:

«В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не составляют какой-либо партии, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата.

Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формировать движение пролетариев

Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев различных наций (т.-е. в пределах отдельного государства. *К. К.*) они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны—тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом.

Таким образом коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют пред остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: организация рабочего класса, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим всемирным реформатором. Они представляют собой лишь общее выражение современных отношений существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения» [1])

С тех пор, как написаны эти строки, за эти шестьдесят лет, многое изменилось, и некоторые из указанных положений не могут теперь применяться буквально. В 1848 году не было еще больших единых рабочих партий с широкими социалистическими программами, а рядом с теорией марксизма существовали другие, более распространенные социалистические теории.

Теперь в рядах борющегося пролетариата, объединенного в массовые партии, живет только о д н а теория: марксизма. Правда, не все члены рабочих партий — марксисты, и еще менее все они являются образованными марксистами. Но те из них, которые не признают теории марксизма, в о о б щ е не признают н и к а к о й т е о р и и. Они или отрицают необходимость всякой теории и даже всякой программы, или, сваливая в одну кучу обрывки сохранившегося еще утопического, домарксовского социализма, с которым мы познакомились выше, и несколько крох марксизма, создают социализм, пригодный для всех и всего. Этот социализм имеет еще

---

[1]) „Манифест коммунистической партии". Перевод Г. Плеханова.

то преимущество пред марксизмом, что дает возможность каждому по своему усмотрению выкинуть все неподходящее для данного момента и с таким же успехом всегда найти то, что для него пригодно. Конечно, он гораздо практичнее, чем последовательный марксизм, но он совершенно пасует там, где важнее всего теория. Он еще пригоден для обыденных целей популярной агитации, но совершенно бессилен, когда необходимо ориентироваться среди новых и неожиданных явлений действительности. Именно вследствие его гибкости и мягкости из него нельзя создать ничего прочного, что могло бы устоять против бури. Но он не может служить и путеводной нитью, которая указывала бы дорогу, так как он сам постоянно меняется вместе с субъективным настроением его представителей.

В настоящее время марксизму не приходится уже пробивать себе дорогу в среду пролетариата в борьбе с другими социалистическими воззрениями. Его критики не противопоставляют ему другой теории, а выражают только сомнение в необходимости теории вообще или, по крайней мере, последовательной теории. Вместо определенной новой системы против него в рабочем движении выдвигаются только пустые фразы об «ортодоксии», «догматизме» и т. п.

Но для нас, марксистов, это является еще лишним основанием противодействовать всякой попытке создать в рабочем движении особую марксистскую секту, которая отделилась бы от остальных слоев борющегося пролетариата. Вместе с Марксом мы стремимся объединить весь пролетариат в единый борющийся организм. Внутри же этого организма мы ставим себе целью быть «на практике самой решительной, всегда вперед стремящейся частью», которая «имеет пред остальной массой пролетариата то п р е и м у щ е с т в о, что понимает условия, ход и общие результаты рабочего движения». Это значит, что мы употребим все усилия, чтобы в области практической деятельности и в области теоретического познания развернуть максимум энергии, какой только возможен при данных условиях. Только таким образом, пользуясь лишь превосходством нашей практики, — а оно доставляется превосходством теории Маркса, — мы желаем занимать особое положение в общем организме классовой партии пролетариата, который, впрочем, всюду, где он не воспринял еще марксизма, все больше втягивается силой логики фактов в круг его идей.

Да вряд ли когда-нибудь марксист или марксистская группа вызывали раскол из-за чисто теоретических разногласий. Там, где дело доходило до раскола, причиной его были всегда не т е о р е-

тические разногласия, а практические, тактические или организационные; теория же служила только козлом отпущения, на которого валили все грехи. Присматриваясь, например, к борьбе одной части французских социалистов якобы против марксистской нетерпимости, мы увидим, что это только борьба некоторых литераторов и парламентариев против пролетарской дисциплины, которую они считают унизительной. Они требуют дисциплины только для широких масс, но не для таких выдающихся существ, как они сами. Марксисты же во Франции издавна были защитниками пролетарской дисциплины, и в этом отношении они являются достойными учениками своего учителя.

Маркс не только теоретически указал нам, каким путем пролетариат скорее придет к своей великой цели, но он и на практике был всегда впереди движения. Его деятельность в Интернационале может служить нам образцом для всей нашей практической деятельности.

Но не только как мыслителя должны мы чествовать или—что гораздо больше соответствует духу его учения — изучать Маркса. Его личная жизнь и деятельность не менее поучительны для нас, чем его теоретические построения. Личная деятельность Маркса представляет для нас огромный интерес не только благодаря его знаниям, его необыкновенному уму, но и благодаря его смелости, неутомимой энергии, которые соединялись с величайшей добротой, преданностью идее и непоколебимой стойкостью.

Кто хочет оценить смелость Маркса, должен познакомиться с его процессом 9-го февраля 1849 года в Кёльне, когда, в ответ на обвинение в призыве к вооруженному восстанию, он доказывал необходимость новой революции. О его доброте и заботливости о других достаточно свидетельствует его отношение к товарищам. Так, после поражения революции 1848 года и падения коммуны 1871 г. он, терпя сам страшную нужду, заботился о них больше, чем о себе. Вся его жизнь, в конце концов, составляла ряд испытаний, которым мог противостоять только человек необыкновенной энергии и силы воли.

С начала его деятельности в «Рейнской Газете» его гнали из страны в страну. Революция 1848 года обещала скорую победу. Но после ее поражения он очутился в самом бедственном материальном положении. Не более утешительна была в изгнании и его политическая жизнь: большинство его друзей на долгие годы были похоронены в прусских тюрьмах, многие коммунисты относились к нему враждебно, а буржуазная демократия бойкотировала его. Наконец, показался луч света — Интернационал, но и он через несколько лет,

вскоре после разгрома Парижской коммуны, за которым последовало распадение Интернационала, снова исчез. Правда, последний блестяще выполнил свою задачу; благодаря ему, рабочее движение в разных странах приняло более самостоятельный характер. Чем больше развивалось международное рабочее движение, тем сильнее росла потребность в более гибкой форме организации, предоставляющей отдельным национальным организациям бо́льшую свободу действий. А как раз тогда, когда в том чувствовалась особая необходимость, вожаки английского профессионального движения, стремясь к союзу с либералами, хотели сбросить с себя «узы» классовой борьбы, а в романских странах анархисты, под влиянием Бакунина, протестовали против участия рабочих в политике. Эти явления заставляли генеральный совет Интернационала строже выполнять свои централистические полномочия именно тогда, когда организационный федерализм являлся более необходимым, чем когда-либо. Об это противоречие разбился гордый корабль, руль которого держал в своих руках Карл Маркс.

Это было для него горьким разочарованием. Правда, тогда начался блестящий подъем германской социал-демократии и рост революционного движения в России. Но уже закон о социалистах положил скоро конец этому блестящему подъему, а русский терроризм достиг своего кульминационного пункта в 1881 году и после того быстро пошел на убыль.

Таким образом вся политическая деятельность Маркса представляла непрерывную цепь неудач и разочарований. Не лучше обстояло дело с его научной деятельностью. Его «Капитал», на который он возлагал такие большие надежды, казалось, остался незамеченным и не оказал никакого влияния даже в рядах собственной партии. Еще в 1877 году, незадолго до его смерти, германская социал-демократия издавала научный журнал, в направлении которого мы напрасно станем искать хотя бы след, не говоря уже—признание идей марксизма.

Маркс умер как раз на пороге той эпохи, когда, наконец, начали поспевать плоды, посеянные им в бурное, безотрадное время. Он умер, когда только что занималась заря нового рабочего движения. Оно уже охватывало всю Европу, все больше проникалось его духом, все больше усваивало его основные взгляды. Затем последовал период непрерывного победоносного подъема пролетариата, резко отличающийся от того времени, когда Маркс—одинокий, мало понятый, но много ненавидимый мыслитель—боролся против целого мира врагов за распространение своих идей в среде пролетариата.

Эти условия могли бы привести в отчаяние и лишить надежды

всякого человека, но у Маркса они не отнимали ни гордой уверенности, ни бодрого спокойствия. Он так высоко поднимался над своей эпохой, видел настолько дальше своего времени, что он уже ясно различал обетованную землю, о которой и не подозревала громадная масса его современников. В своей грандиозной научной системе, в своей глубокой теории черпал он всю силу своего характера, в них коренились его непоколебимость и уверенность, они охраняли его от колебаний и минутных настроений, благодаря им он не знал переходов от восторженных надежд к безнадежному отчаянию.

Из этого же источника должны черпать силу и мы, марксисты. И мы тогда можем быть уверены, что в предстоящей тяжелой и великой борьбе мы будем стоять в первых рядах и развернем максимум силы и энергии, на которую мы только способны. Только тогда мы скорее всего можем добиться своей цели. И знамя освобождения пролетариата, а вместе с ним и всего человечества, развернутое Марксом, знамя, которое он нес впереди нас в течение целого поколения, в ряде сражений и штурмов, никогда не уставая и не падая духом, — это знамя победоносно водрузят на развалинах капиталистической твердыни борцы, которых он воспитал.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
6295-07
ИНВ. ТКI-28091

	Р.	К.
умеет"	4	50
Дитцген. „Религия социал-демократа"	3	50
„Еврей, классовая борьба и погромы"	—	40
Жорес. „Мир и пролетариат"	—	45
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	—	30
Зиновьев, Г. „Керн оборончества"	1	10
Его-же. „Наше положение и задачи создания красной армии"	—	25
Его-же. „Австрия и война"	1	80
Его-же. „Из истории пролетарского праздника 1 мая"	—	30
Его-же. „Г. В. Плеханов". Вместо речи на могиле	—	45
Его-же. „Хлеб, мир и партии"	—	70
Его-же. „Рабочие партии и профессиональные союзы"	2	25
Его-же. „Речь о создании красной армии". 2-е изд.	—	25
Его-же. „Социализм и война"	1	10
Его-же. „Н. Ленин, жизнь и деятельность"	2	—
Его-же. „Письмо к крестьянам"	—	50
Его-же. „Слово к красноармейцам"	—	40
Зиновьев, Г. „Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс"	—	35
Его-же. „Что делать в деревне"	—	70
Его-же. „О мятеже левых эс-эров"	—	60
Его-же. „Франц Меринг"	—	30
Его-же. „Из истории нашей партии"	1	10
Его-же. „Война и кризис социализма"	15	—
Его-же. „Задачи рабочей и крестьянской молодежи"	—	90
Его-же. „Работница, крестьянка и Советская власть"	—	70
Его-же. „Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец"	—	70
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. „Против течения", 2-е изд	10	—
Зиновьев, Г., и Троцкий, Л. „Карл Либкнехт и Роза Люксембург". Речи, произнесенные на заседании Петр. Совета	2	—
„Интернационал и мировая война"	—	—
Ионов, Илья. „Алое поле". Стихотворения, 2-е изд.	1	50
Калер, З. „В. Вейтлинг, его жизнь и учение"	5	—
Кампанелла Томас. „Государство солнца" Утопия	4	30
Карпинский, В. А. „Мир или война"	—	15
Катая, С. А. „Террор буржуазии в Финляндии"	3	50
Каутский, К. „Наука, жизнь и этика"	—	30
Его-же. „К. Маркс и его историческое значение"	1	25
Его-же. „Экономическое учение К. Маркса", 2-е изд.	3	50
Его-же. „Этика"	2	25
Его-же. „На другой день после социал революции"	—	75
Его-же. „Классовые интересы"	—	40
Его-же. „Карл Маркс". Биографический очерк	—	45
Его-же. „Томас Мор и его Утопия"	12	—
Его-же. „Ирландия"	1	40
Его-же. „Возникновение брака и семьи"	2	25
Керженцев. „Как вести собрание"	1	40
Кий. „Что такое социализм?"	1	10
Его-же. „Республика Советов", 4-е исправл. и дополненное изд.	—	40
Его-же. „От крестьянской общины к социалистической коммуне"	—	35
Его-же. „Седьмая коммуна"	—	40
Клюев Н. „Мелный кит"	2	40
Князев, В. „Красные звоны и песни"	2	50
Его же. „Красное Евангелие"	1	20
Его-же. „Песни красного звонаря"	8	—
Коллонтай. „Работница-мать"	—	35

	Р.	К.
„Коммунистический Интернационал к трудящимся всего мира. Да здравствует 1 мая"	1	—
Кониколь. „Коммуна 71 г."	2	—
Конституция Советской Республики	—	40
Корольковнч, Б. Е. „Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав Согласия за время нынешней войны"	—	35
Лазар, Бернар. „Антисемитизм и революция"	—	70
Лассаль, Ф. „Принципы труда в современном обществе"	—	60
Его-же. „Дневник"	6	75
Лафарг, П. „Происхождение религиозных верований"	—	60
Его-же. „Благотворительность и право на труд"	—	60
Его-же. „Миф о непорочном зачатии"	—	85
Его-же. „Вера в Бога". Разошлось. Печатается 2-е издание	—	75
Его-же. „Труд и капитал"	7	50
Его-же. „Патриотизм буржуазии"	1	10
Его-же. „Право на леность"	1	10
Ленин. „Доклад и заключительная речь на 3-ем Всероссийском Съезде Советов"	—	25
Ленин. „Борьба за хлеб". Разошлось. Печатается 2-е издание	—	40
Его-же. „За 12 лет". Собрание статей	20	—
Его же. „Пролетарская революция и ренегат Каутский"	4	50
го-же. „Главные задачи наших дней".	—	65
Его-же. „Уроки революции". 2-е издание	—	40
Его-же. „Империализм, как новейший этап капитализма". (Попул. очерк)	4	40
Его-же. „Успехи и трудности Советской власти"	2	20
Либкнехт, В. „Два мира"	1	60
Его-же. „Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений"	1	30
Его-же. „1848 год и коммуна". Разошлось. Печатается 2-е издание	2	—
Его-же. „Воспоминания о К. Марксе"	2	—
Его-же. „К юбилею мартовской революции"	3	80
Либкнехт, Карл. „Мой процесс". (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12	—
Лилина, З. „Солдаты тыла". „Женский труд до и после войны". Разошлось. Печатается 2-е издание	2	10
Ее-же. „Организуйте женщин	—	50
Ее-же. „Что дала революция народу"	—	35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3	45
Логинов. „На страже". Стихотворения. Сатиры	1	80
Лидеман, Г. „Коммунальная политика социализма"	1	40
Лукин, Н. „Церковь и государство"	—	50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. „К. Маркс и социальная революция". Разошлось. Печатается 2-е издание	—	65
Луначарский, А. „Комедии". 2-е издание	5	20
Его-же. „Карл Маркс". Ко дню 100-летия со дня рождения	—	50
Его-же. „Королевский брадобрей" (Власть). Пьеса	—	—
Его-же. „Первый пророк и мученик революции Радищев"	1	20
Лурье, М. (Ю. Ларин). „Суд над К. Либкнехтом"	—	45
Его-же. „Крестьяне и рабочие в русской революции"	2	—
Его-же. „Состав пролетариата". 2-е издание	—	65

	Р.	К.
Майский, Т. Татьин. „Политэкономия“ . .	3	50
Маркс, К. „Либералы у власти“ . . .	2	—
Его-же. „Наемный труд и капитал“ .	1	40
Его-же. „Заработная плата, цена и прибыль“	—	85
Его-же. „К еврейскому вопросу“ . .	3	75
Маркс, К. и Энгельс, Ф. „О коммунизме“	1	40
Их-же. „Манифест коммунистической партии“	2	80
Марцинковский. „Что такое политическая экономия?“	1	10
Мерниг, Фр., и Лафарг, П. „Фридрих Энгельс“	1	40
Мещеряков, В. „Деревенская беднота — путь к социализму“	—	40
Мирбо. „Жан и Мадлена“. Драма . . .	1	50
Моррис, В. „Вести ниоткуда“ Утопия .	3	50
Мор, Т. „Утопия“	7	20
Муйжель. „Бабья жизнь“	3	50
Его-же. „Старый Каморра“	2	—
„Наш рабочий праздник 1 мая“	—	30
Новорусский, М. „Грабы“	10	—
Олар. „Политическая история французской революции“	24	—
„Памяти К. Маркса“. Сборник статей. 2-е издание	4	50
„Памяти К. Либкнехта и Розы Люксембург“. Сборник статей	5	50
Первый социалистический советский настольный календарь	20	—
Петрович. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“	—	50
Пименова. „История Интернационала“.	3	50
Плеханов, Г. „Речь о Белинском“ . .	1	80
Программа Российской коммунистической партии	1	50
Равич, С. „Что такое республика Советов“	—	75
Радек. „Анархисты и советская власть“.	—	12
Раковский. „Социалисты и война“ . .	1	—
Рионов, Ник. „Как совершать записи рождений, браков, разводов, внебрачных детей и установление отцовства у нарымских нотариусов“	—	75
Ромэн, Ромэн. „Жан Кристоф“. „Заря“ т. I. . . .	4	—
„ „ „Утро“, т. II. . .	7	50
„ „ „Юность“, т. III. . .	—	—
„ „ „Бунт“, т. VII . . .	—	—
„ „ „Ярмарка на площади“, т. V. . .	7	50
„ „ „Сердце Франции“, т. VII . . .	2	25
„ „ „Неопалимая купина“, т. IX . . .	12	—
„ „ „В стороне от схватки“	5	20
Рубакин. „Вода на земле, под землей и над землей. С многочисленными иллюстрациями	3	—
Его-же. „Приключения в стране рабства“. С многочисл. иллюстрац. .	5	50
Его-же. „Дедушка Время“. Новогодняя сказка	—	—
Его-же. „Что такое кометы“.	3	50
Его-же. „Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке“	2	—
Его-же. „Рассказы о делах в царстве животных“	6	—
Его-же. „Среди тайн и чудес“	9	—
Рязанов, Д. „Две правды. Марксизм и оппортунизм“ (разошлось. Печатается 2-е издание	—	90
Его-же. „Основное дело“. Разошлось. Печатается 2-е издание.	—	70

	Р.	К.
Его-же. „12 февраля.“ Разошлось. Печатается 2-е издание.	—	75
Его-же. „К. Маркс и русские люди 40-х годов“	1	80
Его-же. „Г. В. Плеханов и группа Освобождения труда“	—	90
Его-же. „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса“	3	75
„Советская Россия и народы мира“. С предисловием Максима Горького . .	5	—
Самойлова. „Современная безработица и борьба с нею“	1	10
Ее-же. „Продовольственный вопрос и советская власть“	—	90
Ее-же. „Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская революция“: 1-е издание.	—	50
2-е издание	1	20
Сборник декретов и постановлений, касающихся коммун северной области. За 2 тома в папке	160	—
Сборник инструкций, положений и правил по организации сельскохозяйственных коммун	—	20
Средницкий С. „Основы газетного дела“	2	30
Стеклов, Ю. „Черная сотня во Франции“. Разошлось. Печатается 2-е изд.	1	20
Его-же. „Революция 1848 г. во Франции“	2	—
Его-же. „Прудон“.	—	80
Его-же. „Поль Лафарг“. 2-е издание. .	—	65
Его-же. „Новейшее течение во французском антисемитизме“.	1	—
Его-же „Интернационал“, ч. I. . . .	4	80
Его-же „Интернационал“, ч. II . . .	2	25
Степанов. „Жан-Поль Марат“	—	40
Его-же. „Твердые цены на хлеб“ . . .	—	10
Его-же. „Кто богатеет и кто разоряется“.	—	35
Троцкий. „Труд, дисциплина и порядок“.	—	30
Его-же. „Слово к рабочим и крестьянам“.	—	45
Его-же. „Советская власть и международный империализм“	—	25
Струмилин. „Богатство и труд“ (популярн. очерк)	2	10
Тун, А. „История революционного движения в России“	4	80
Тюрлан. „Парижская коммуна“. . . .	2	—
Его-же. „Цена крови“	—	40
Цеткина, К. „Борьба за свободу и мир в России“	—	12
Ее-же. „Женский вопрос, интелл. пролетар. и социал.“	—	70
Ее-же. „За большевиков“	—	45
„ „ „Мировая война“ С предисловием Г. Зиновьева“	1	10
Чижиков, С. Б. „Происхождение современной войны“	—	95
Чуковский, К. „Крокодил“ С рисунками художника Ре-ми	10	50
Его-же. „Тот Утешен“. Поэзия грядущей демократии	3	—
„Великие страдальцы и мученики“. С [illegible]	5	—
Эбнер-Эшенбах, М. Лесная жизнь и другие повести“	1	20
Энгельс, Ф. „Философия, полит. экономия и социализм“ (Анти-Дюринг) .	11	60
Его-же. „Из истории развития социализма“	1	40
Его-же. „Людвиг Фейербах“	2	50
Его-же. „Крестьянская война в 1871 г.“	3	50
Ясинский. „Таблицы для перевода русских мер в международные метрические и обратно“	3	50
Ясинский. „Воскресшие боги“. Отпечатано	12	

8 руб.

2006408790